

Г о р о д ,
к о т о р ы й
п о м н и т
с н ы

Тати Фольс

Город, который помнит сны

«Автор»

2026

Фольс Т.

Город, который помнит сны / Т. Фольс — «Автор», 2026

Если хочется не мрачной сказки, а тёплой, глубокой истории про людей, которые не бросают друг друга (даже тех, кого не видно).

© Фольс Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Тати Фольс

Город, который помнит сны

Глава

Город, который помнит сны.

«Осецк: город, который научился не бояться своих теней». В тихом городке Осецк под землёй живёт нечто древнее — не зло и не чудовище, а одинокое ожидание, которое полвека прятало от людей страшную правду. Оно не хотело причинять боль — оно просто отчаянно не хотело быть забытым. И чтобы его не забыли, оно научилось притворяться: рисовать из чужих воспоминаний потерянную девочку Лену, шептать тревожные строчки на подоконниках, заставляя трещины на стенах светиться холодным светом.

Кира приезжает в Осецк, чтобы распутать тайну, но вместо разгадки находит тех, кто эту боль носил все эти годы: Галину Николаевну, которая пятьдесят восемь лет ставила вторую чашку на стол и разговаривала с пустотой, будто дочь всё ещё здесь; Матвея, который прятал страх за ворчанием; весь город, где каждый знал: в трещинах стен прячется что-то, и лучше не смотреть туда слишком долго. Постепенно Кира понимает: чтобы победить страх, не нужно сражаться. Нужно просто сесть рядом и сказать: «Я тебя слышу».

Она становится мостом между городом и тем, что живёт под землёй. Не спасительницей, а собеседницей. И постепенно пугающие чудеса сменяются тихими: трещины перестают светиться яростью, на скамейке появляется бумажный кораблик «для рассказов», а из-под земли впервые звучит не угроза, а воспоминание — про лавку на деревянных ящиках, про мигающий фонарь, про кошку, которой никогда не было, но которую всем хотелось видеть.

А потом приходит момент, когда оно впервые само что-то рассказывает — не в ответ, а просто потому, что теперь ему есть кому. И город, который столько лет сжимался от страха, наконец выдыхает. Он не стирает прошлое, не делает вид, что ничего не было. Он учится носить эту память бережно — как шрам, который не стыдно показывать. Это история не о победе над тьмой, а о том, как тьма перестаёт быть врагом, когда ей дают имя, голос и кусочек яблочного пирога. О том, как одиночество становится соседством, а страх — привычкой просто сидеть рядом и слушать.

Глава 1

. Главная героиня — архитектор Кира. Она приехала в маленький город Осецк, чтобы спасти от сноса старый дом на углу Липовой и Тихой: его фасад — редкий пример модерна с тонкой лепниной, и для Киры это не просто работа, а почти личное дело. Она привыкла видеть в трещинах и сколах историю, но в Осецке трещины стали вести себя странно.

Каждое утро Кира замечает на стенах новые отголоски снов. Не рисунки, а будто лёгкая дымка, которая держится до полудня: тень кота, который никогда не жил в этом квартале, лестница, уходящая в стену, обрывок фразы на языке, которого Кира не знает.

И каждый раз эти сны ложатся ровно по старым трещинам, будто трещины — это линии разлома между сном и явью. В первый день Кира списывает это на усталость. На второй — фотографирует. На третий она встречает старика Матвея, который работает в городской библиотеке и знает про Осецк всё. Он не удивляется, когда Кира показывает ему фото.

— Это город вспоминает, — спокойно говорит Матвей, поправляя очки.

— Или, если точнее, он не умеет забывать. Сны прилипают к старым стенам, как пыль. А трещины — они как швы: через них сны и просачиваются. Кира не верит, но Матвей ведёт её во двор за библиотекой. Там на облупившейся стене каждое утро появляется один и тот же сон: маленькая девочка в синем пальто стоит у железной калитки и будто кого-то ждёт.

— Её звали Лена, — шепчет Матвей. — Она пропала в шестьдесят седьмом. Никто так и не нашёл. А город помнит.

И тут Кира замечает: трещина, по которой ложится силуэт девочки, ведёт к старой двери в стене — такой незаметной, что её легко принять за часть кладки. Раньше этой двери не было. Или Кира её просто не видела. Вечером Кира возвращается к дому, который должна спасти. На стене над входной дверью появляется новый сон: её собственный. Она видит себя в детстве — стоит у окна, смотрит на дождь и крепко держит в руке игрушечного кота. Кира точно знает, что такого сна у неё не было. Или был, но она его забыла. А трещина под этим сном ведёт прямо к той самой двери. Кира стояла у той самой двери, и холод шёл не от каменной кладки — он будто поднимался из-под земли, пробираясь сквозь подошвы ботинок. Дверь была старой, потемневшей, с облупившейся краской, и на её поверхности сон девочки в синем пальто дрожал, как отражение в мутной воде. Кира уже не пыталась убедить себя, что это игра света.

Сны теперь появлялись не только утром: стоило сумеркам лечь на улицы Осецка, как трещины начинали светиться тусклым, неровным светом, будто внутри стен тлел пепел чьих-то забытых ночей. И каждый новый сон был чуть тревожнее предыдущего. Вчера на стене у булочной мелькнул силуэт мужчины в длинном пальто — он оглядывался через плечо, будто за ним кто-то гнался. Сегодня на фасаде дома, который Кира должна была спасти, проступила фраза на незнакомом языке — и, что страшнее, фраза будто двигалась, буквы перестраивались, как будто пытались сложиться в другое слово.

Матвей, к которому она прибежала после этого, впервые не выглядел спокойным. Он долго смотрел на её блокнот с зарисовками трещин, потом тихо прикрыл крышку и сказал: — Ты не первая, кто пытался понять, как это работает. Был один архитектор, лет двадцать назад. Он хотел составить карту этих трещин — думал, если соединить их все, получится рисунок, который всё объяснит. Он дорисовал последнюю линию... и на следующее утро его не нашли. Только на стене его квартиры осталась одна фраза: «Не буди память». Кира сглотнула.

— Но город же просто помнит, — прошептала она.

— Это не может быть опасно. Матвей покачал головой: — Город не просто помнит. Он хранит. А некоторые вещи нельзя хранить вечно. Они начинают искать выход. Трещины — это не швы, Кира. Это щели. И если слишком сильно потянуть за воспоминание, можно открыть не дверь в прошлое, а дыру, через которую прошлое шагнёт к тебе.

В тот же вечер Кира вернулась к старому дому. На стене над дверью снова был её собственный сон — тот самый, с игрушечным котом и дождём. Но теперь в нём появилось что-то новое: за спиной маленькой Киры кто-то стоял. Фигура была размытой, но в очертаниях угадывалась взрослая женщина — и она тянула руку к девочке. Кира точно знала, что в её воспоминаниях никого не было. Этот сон ей не принадлежал. Или она просто не хотела его помнить. Трещина под сном вела прямо к двери. И сейчас, стоя перед ней, Кира вдруг поняла: дом, который она так отчаянно хотела спасти, был не просто памятником архитектуры. Он стоял на пересечении самых старых трещин в городе — как пробка, удерживающая что-то внизу. И если она откроет эту дверь, если начнёт искать ответы, возможно, она не найдёт ни правды, ни покоя. А город перестанет просто помнить — он начнёт рассказывать. И не всем хочется услышать эту историю. Кира не спала уже третью ночь. В её блокноте страницы были исчерканы линиями, стрелками, пометками: «не соединять», «не продолжать», «точка разрыва». Она пыталась найти способ закрыть дверь, не потревожив то, что пряталось за ней, — будто можно было аккуратно заклеить трещину пластырем и надеяться, что память города не заметит.

Матвей сидел напротив, молча листал её наброски, а потом тихо вздохнул: — Ты хочешь сделать так, будто ничего не было. Но город не прощает, когда с ним обращаются как с полом, который надо замазать шпаклёвкой. Он не сломан, Кира. Он просто слишком много помнит.

— Значит, надо не замазывать, — упрямо сказала Кира, постукивая карандашом по столу.

— Надо... перенаправить. Если трещины — это щели, значит, можно найти другую дорогу для этих воспоминаний. Пусть они идут не сюда. Пусть идут куда угодно, только не через эту дверь. Матвей посмотрел на неё долго, так, будто пытался разглядеть в ней того самого архитектора, который двадцать лет назад хотел всё измерить и разложить по полочкам.

— Есть одна старая легенда, — наконец проговорил он, не глядя на Киру, а будто обращаясь к пыльным полкам за спиной.

— Говорят, в городе когда-то был перекрёсток, где сходились все старые улицы. Не на карте, а в памяти. И там стоял колодец. Не для воды, а для забывания. Туда бросали ключи, монеты, записки с именами тех, кого хотели отпустить. Считалось, что колодец берёт себе чужую боль и уносит её вниз, туда, где сны перестают быть чужими. Кира подняла голову: — И где он сейчас?

— Его засыпали. Ещё в пятидесятых. Построили на этом месте рынок, потом склад, а теперь там просто пустырь. Но если трещины ведут к памяти, то, может, они ведут и к нему. Может, если найти это место, можно дать воспоминаниям другой выход. Не через дверь у дома, а туда, вниз. Кира сжала кулаки. Это был не план, но хотя бы направление. Пустырь оказался серым и пустым, будто город нарочно стёр с него все следы. Кира ходила по нему, чувствуя, как под подошвами хрустит щебень, и смотрела на землю, будто могла увидеть сквозь неё старые камни.

Трещины здесь были не на стенах — они шли по земле, тонкие, едва заметные, как паутина. И они действительно сходились в одной точке. Когда солнце село, трещины засветились. Не ярко, а тускло, как угли, которые вот-вот погаснут. И в центре, там, где сходились линии, земля будто просела на пару сантиметров. Кира опустилась на колени, провела рукой по неровной поверхности и вдруг почувствовала, как холод поднимается вверх, цепляясь за пальцы. Она достала из рюкзака старый чертёж города и приложила его к земле, как будто это могло помочь. Линии на бумаге и линии на земле совпали. В этот момент из темноты вышел Матвей. Он не торопился подходить, просто стоял и смотрел.

— Ты нашла, — тихо сказал он.

— Это он? Колодец? Матвей кивнул.

— Только теперь он не принимает записки. Он принимает намерения. То, с чем ты сюда пришла. Если ты хочешь закрыть дверь у дома, тебе придётся предложить что-то взамен. Город не любит, когда у него просто забирают память. Он хочет, чтобы ты что-то оставила. Кира вздрогнула: — Что я могу оставить?

— Не вещь. А готовность не знать. Готовность сказать: «Я не буду искать дальше». Иногда это самое тяжёлое. Кира посмотрела на светящиеся трещины, на точку, где они сходились, и вспомнила сон: фигуру за спиной маленькой девочки. Она не хотела, чтобы эта тень вышла наружу. Но и не хотела платить за тишину чем-то, что нельзя вернуть.

Она сняла с шеи тонкий серебряный кулон — единственную вещь, которую хранила с детства, — и положила его прямо в центр пересечения трещин. Металл едва коснулся земли, и свет на мгновение стал ярче, а потом начал медленно угасать, словно впитываясь вниз. И в ту же секунду Кира почувствовала, как где-то далеко, у старого дома, дверь тихо щёлкнула, будто её кто-то запер изнутри. Трещины на стенах перестали светиться. Сны не исчезли совсем, но стали тише, как будто отодвинулись на шаг назад. Матвей подошёл ближе и тихо сказал: — Город принял. Но помни: это не конец. Это пауза. И если ты когда-нибудь снова захочешь разбудить эту память... он будет ждать. Кира кивнула, не в силах говорить.

Она подняла кулон, но он исчез — растворился в земле вместе со светом. Вместо него на ладони осталась тонкая серебристая пыль. Старый дом всё ещё стоял на своём месте. Пока. И теперь Кира знала: спасти его — значит не только бороться за кирпичи и лепнину. Значит

научиться жить рядом с тем, что лучше не трогать. Тишина оказалась не той, которую Кира ждала. Первую неделю после колодца всё было спокойно.

Сны на стенах побледнели, стали похожи на выцветшие фотографии: контуры есть, а жизни в них нет. Матвей сказал, что это хорошо. Кира старалась верить. Но на восьмое утро она заметила первое «но».

Дым от булочной поднимался вверх ровно и спокойно — и вдруг весь, одним движением, наклонился в сторону переулка. Не рассеялся ветром. Именно наклонился, как наклоняется человек, обернувшийся на знакомый голос. Кира остановилась посреди улицы и почувствовала, как у неё похолодели ладони: дым тянулся туда, где когда-то мелькала тень кота. В переулке никого не было. Только на асфальте — тёмное пятно, мокрое, будто кто-то только что прошёл по свежему дождю. Хотя дождя в Осецке не было уже четыре дня. Кира опустила руку на корточках и потрогала пятно. Оно было холодное. Холоднее ночного камня. Она не сказала об этом Матвею. Пока не сказала. Потом начались звуки. По вечерам, когда Кира сидела в съёмной квартире над старой аптекой и чертила обмеры дома, из-под пола доносился тихий, размеренный звук — как будто кто-то ходил по тротуару вниз. Шаги, шаги, шаги. Потом пауза. Потом снова шаги. Кира выходила на улицу — переулок пуст, фонарь горел, лужи стояли неподвижно. Но как только она закрывала дверь — шаги возвращались, только теперь уже явно не снаружи. Под полом. Или под городом. Она не могла решить, что страшнее.

Однажды в три часа ночи шаги остановились прямо под её окном. И тихий, почти детский голос произнёс по слогам: — Ки-ра. Она всю ночь сидела с включённым светом. А утром пошла к дому. Девочка в синем пальто ждала её у железной калитки. Не на стене — вживую. Она стояла, держась за прутья, и смотрела на Киру без всякого выражения, как смотрят на то, что давно уже решили не бояться.

«— Ты заперла дверь», — сказала девочка. Голос был ровный, чуть сиплый, как у человека, который давно не разговаривал.

— Хорошо. Но ты заплатила не своим. Кулон — это вещь. А город хочет другое. Кира сделала шаг назад и почувствовала, как под ботинком хрустнул мелкий камень. Девочка даже не моргнула.

— Что он хочет? — спросила Кира, хотя каждая клетка в теле кричала: не разговаривай с этим.

— Арестованный сон. — Девочка произнесла это буднично, как называют улицу. — Ты закрыла дверь, но то, что за ней, теперь не может ни выйти, ни уснуть. Оно просто лежит там и слушает. И пока оно слушает, город не может забыть. Слышишь? — Она замолчала, прислушиваясь к чему-то, чего Кира не слышала. — Он слушает всё. Каждый шёпот. Каждый сон в этом городе. И всё, что он слышит, он запоминает. А запомненное однажды станет достоянием стен.

— Но он же заперт, — прошептала Кира.

— Замок не держит того, что никогда не было живым. — Девочка наконец улыбнулась, и от этой улыбки Кира стало по-настоящему холодно. — Замок держит только дверь. А трещин стало больше. Посчитай сама. И Кира посчитала. Прошла вечером по городу с блокнотом — и поняла, что девочка не солгала. Трещин стало больше. Там, где неделю назад была целая штукатурка, теперь шли тонкие неровные линии — тонкие, как волос, но их было много. Слишком много. Они оплели дом, который она спасала. Они шли по булочной, по библиотеке, по стене её съёмной квартиры — изнутри. Словно город потрескивал по швам, держа внутри то, что не могло уснуть.

В библиотеке Матвей выслушал её молча. Потом достал из-под прилавка тяжёлый конверт, потемневший от времени, и положил перед ней.

«— Дневник того архитектора», — сказал он. — Я двадцать лет не давал его никому в руки. Думал, чем меньше будут знать, тем дольше все проживут. Но время такое, Кира, что знать становится опаснее, чем не знать.

— Почему? — тихо спросила она. Матвей снял очки и устало провёл рукой по глазам. — Потому что он слушает всё, что говорят в этом городе. И я до сих пор не уверен, что сейчас мы говорим достаточно тихо. Кира открыла конверт. На первой странице ровным, старательным почерком было выведено: «Сон, который заперт, не умирает. Он голодает. А голодная память начинает есть стены, на которых живёт».

За окном библиотеки, там, где ещё минуту назад была чистая штукатурка, медленно, как поднимающийся по стеклу иней, проявлялась новая трещина. И в её изгибе Кира явственно прочитала ту самую фразу с дома, которую так и не смогла расшифровать, — только теперь буквы сложились по-русски: «СЛУШАЮ».

Кира догнала её уже у поворота на Липовую. Девочка шла быстро, не оборачиваясь, и синее пальто на ней было таким же, как в снах на стенах, — только теперь Кира видела, что оно не старое. Не поношенное, не выцветшее. Как будто кто-то повесил его на плечи вчера.

— Как тебя зовут? — окликнула Кира. Девочка остановилась, но не обернулась сразу. Сначала обернулась её тень — на секунду раньше, чем сама девочка, будто тень здесь двигалась первой, а тело только догоняло.

— Лена, — сказала она. — Только это не имя. Это то, что осталось от имени. Когда человек долго сидит в чужой памяти, от него остаётся только то, что там о нём записали. Меня записали как «пропавшую девочку в синем пальто». Так меня и зовут. — Ты живая? — спросила Кира, хотя уже знала ответ. Вопрос был нужен ей самой, чтобы удержаться на краю.

— Я-то, что город помнит о живой. — Девочка наконец посмотрела на неё. Глаза у неё были как у всех детей, и именно это было самым страшным. — Настоящая Лена давно ушла туда, куда уходят все. А я осталась. Город держит меня, как держат фотографию. Смотрит время от времени. Проверяет, на месте ли.

— Он держит тебя?.. Там?.. — Кира не смогла договорить. — За дверь? Нет.

— Девочка покачала головой, и волосы качнулись, хотя ветра не было.

— За дверь то, что слушает. Я — снаружи. Я не могу войти и не могу уйти. Я его голос, когда он хочет говорить вежливо. И его слух, когда он хочет слушать тихо. Кира почувствовала, как заныло в груди.

— Значит, когда ночью под окном... это был не ты. Это было... — Оно. Оно позвало тебя по имени, потому что ты платила. Платить — значит стать заметной. — Девочка помолчала.

— Хочешь узнать про настоящую Лену? Кира кивнула раньше, чем успела подумать. — В шестьдесят седьмом она не пропала. Она спряталась. — Девочка произносила это ровно, как читают со стены. — В том доме, который ты спасаешь. Там был подвал с выходом в старые своды, а в сводах — то, что потом замуровали и заперли твоей дверью. Она слышала, как это зовёт. Дети всегда слышат первыми: у взрослых память уже покрылась коркой, а у детей ещё нет.

Она пошла на голос — и стала тем первым, что он успел схватить, когда дверь только начали закрывать. Она до сих пор там. Снаружи двери. Между. И всё, что город помнит о ней, — это я.

— Но тогда... ты можешь её освободить? Пустить её домой? Девочка вдруг улыбнулась — и в этой улыбке было что-то старое, не по-детски усталое.

— Ты не поняла. Я не могу войти за ней, потому что я и есть то, что осталось снаружи. А оно не может отпустить её, потому что она — первое, что оно запомнило. Первое запоминание — оно как первый поток воды. Его не отдают.

Кира стояла и чувствовала, как холод от асфальта ползёт по ногам вверх.

— Тогда зачем ты мне всё это говоришь?

— Затем, что оно слушает не только чужие сны. — Девочка посмотрела на трещину у края тротуара. По ней ползла тусклая искра, как провод под напряжением.

— Оно слушало и твой сон. Про игрушечного кота и дождь. Только это не был твой сон, Кира. Ты помнишь его как свой, потому что он вплетён в твою память. Это было его сном. Он показал его тебе, когда ты стояла у двери. И в том сне, за спиной у девочки, стояла не женщина. Это была я. Я тянула руку не к ребёнку. Я тянула руку к нему — чтобы удержать. И не удержала.

Кира медленно опустилась на бордюр. В голове всё складывалось в одну страшную картину: первый сон, который появился над дверью её дома, — не её память, не её детство. Это приманка. Или знак. Или письмо.

— Ты хочешь, чтобы я её нашла, — тихо сказала Кира. — Настоящую Лену. За дверью.

— Я хочу, чтобы кто-то наконец помнил её не как «пропавшую девочку», — просто ответила девочка. — Город помнит только силуэт. А человек — это не силуэт.

У неё был голос, который не похож ни на один другой. Она пела, когда боялась темноты. Это единственное, что я помню сама, изнутри. Остальное мне рассказали стены. Где-то в стороне, за домами, глухо, как из-под земли, прозвучал один длинный скрежет — будто что-то тяжёлое сдвинули на миллиметр. Девочка вздрогнула — по-настоящему, по-детски, всем телом.

— Он услышал, что я говорю о ней. — Голос у неё впервые дрогнул. — Он не любит, когда вспоминают первое. Мне нужно уходить. Я долго не держусь, когда он слушает внимательно.

— Подожди! — Кира шагнула к ней. — Если я найду способ вытащить её — что случится с тобой? Девочка уже начинала таять по краям — не растворяться, а именно бледнеть, как фотография, которую вынесли на солнце.

«— Я и есть её несбывшееся», — сказала она. — Если она вернётся к себе — меня уже не понадобится. Это не страшно. Страшно — оставаться силуэтом навсегда. И она исчезла — не в темноте, а в дневном свете, прямо посреди улицы, оставив после себя только слабый запах, странный для осени: запах летнего дождя по горячей земле. А трещина у края тротуара, по которой ползла искра, медленно, буква за буквой, сложилась в новую фразу. Кира наклонилась и прочитала: «ПЕРВОЕ НЕ ОТДАЮТ».

Глава 2

Кира заняла в архиве города весь день. Не в том направлении, куда обычно идёт человек в поисках, а в обратном: если девочку считали пропавшей, значит, есть документы о её поиске. Заявления, опросы, описания. Она заказала folder 1967 года — и получила папку, потрёпанную так, будто её читали чаще, чем хотелось бы. Сначала — обычная бумага. Заявление матери, Галины Николаевны Трифановой, от 14 октября шестьдесят седьмого. «Дочь ушла после школы в сторону старого сада, не вернулась». Описание: девять лет, рост сто двадцать восемь, синее пальто, лента светлая. Опросы соседей. Один лаконичный протокол: свидетель, мальчик одиннадцати лет, М., видел, как девочка заходила за дом, «дальше утверждает, что она не выходила, отказывается от подробностей». Дело закрыли за отсутствием улик. Кира остановилась на этой строчке. Мальчик одиннадцати лет. Который отказывался от подробностей. Пятьдесят восемь лет спустя этот мальчик — тот самый человек, который дал ей дневник архитектора.

«— Ты знал», — сказала она Матвею вечером, в библиотеке. Не спросила — сказала. Матвей не стал отпираться. Он долго сидел молча, потом достал ключ и открыл ящик стола — второй раз за всё время, что Кира его знала.

— Я не помню, как её звали, когда я был ребёнком, — начал он. — Я помню только, что она пела. Она пела у калитки, когда я проходил мимо. Всегда, каждый день, одну и ту же мелодию. Я знал: если поёт — всё в порядке. А в тот день я зашёл за дом по делу — у меня

там тайник был, мальчишеский, — и увидел, как она стоит у люка подвала. Слушает. А потом наклоняется. Я закричал. Она не обернулась — будто не услышала. Я побежал к взрослым. Мне поверили не сразу, а когда пришли — люк был закрыт, подвал пуст, а она не выходила. И вот тогда я сказал: она была у люка. Это была правда. Но я не сказал главного — что в подвале было слышно, как что-то поёт. Ей же мелодией. Моя вина — не молчание, Кира. Моя вина — что я боялся так, что всё перепутал в голове и отдал взрослым только половину. А вторую половину прятал пятьдесят восемь лет. Пока она не стала дневником.

— Мелодией, — тихо повторила Кира.

— Оно зовёт мелодией. — Оно зовёт тем, что человек не может не слушать. Взрослых — обещаниями, детей — песенкой.

В папке, кроме протоколов, была ещё одна вещь, о которой Кира чуть не забыла: конверт без адреса, вложенный в дело кем-то много лет назад и заклеенный так, как не заклеивают случайные вложения. На внутренней стороне крыльца — тот же старательный почерк, что и в дневнике. Кира понесла конверт к окну, подняла его к свету. Внутри — листок, сложенный вчетверо, и что-то маленькое, круглое, тяжёлое: старая пуговица от детского пальто. Синяя. На листке было всего три строки: «Она не пропала. Она поёт. Если услышишь из-под земли — отвечай её мелодией, не своей. Свою не давай. Кто отдаёт своё — тот остаётся между». Кира положила пуговицу на стол — и увидела то, чего не заметила раньше: конверт, отправитель которого не оставил ни имени, ни даты, не был пуст снаружи.

По углам крыльца тонкими линиями шли трещины. Они повторяли изгиб мелодии — Кира не могла объяснить, почему была в этом уверена, но мелодия теперь звучала у неё в голове, ровная, простая, как считалка, и трещины шли по ней, как ноты по линейкам. Матвей, увидев конверт, побледнел.

«— Это письмо архитектор вложил в дело после того, как стало поздно», — сказал он. — Оно лежало в архиве пятьдесят восемь лет. Оно ждало того, кто придёт за ней. Но, Кира, подумай хорошенько: он не писал «как спасти». Он писал «как не пропасть». Он уже понимал тогда, что спасти не получится. Вечером, возвращаясь к дому, Кира напевала мелодию — тихо, почти про себя, чтобы проверить, помнит ли её. У калитки стояла девочка в синем пальто. И впервые за все встречи — впервые — девочка не смотрела на Киру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.